

Зима 1979 года в Яньцзине выдалась на редкость холодной.

Небо еще не успело толком посветлеть, как Ху Вэйминь проснулся от крика петуха в углу двора. Он осторожно откинул ватное одеяло в синем чехле, заштопанное во многих местах, и, не желая будить спящую жену, натянул выстиранную добела рабочую робу. Ступая в матерчатых туфлях с зеленым верхом, он приоткрыл дверь.

Во дворе пахло угольным дымом. Пожилая женщина присела перед печуркой под навесом и кочергой ворошила угли; в алюминиевой кастрюле булькала кукурузная каша.

— Мам.

— Сяо Ху, иди к выходу из хутуна, купи соевого молока! — не поднимая головы, крикнула женщина, услышав голос Ху Вэйминя. — И еще, сколько раз повторять: не называй меня во дворе мамой, зови тетушкой.

Ее голос звучал холодно, с едва уловимым оттенком брезгливости.

— Хорошо...

Ху Вэйминь закусил губу. В душе стало тоскливо, но он лишь кивнул в знак согласия.

Эта женщина была его тещей, Хуан Ляньин. С тех пор как он переехал в этот дом из далекой деревни, она ни разу не взглянула на него по-доброму. А это требование называть ее иначе лишь подтверждало его нехорошие предчувствия.

— Чего застыл? Сказано же — иди быстрее! — холодно подстегнула его теща.

Ху Вэйминь вернулся в комнату, схватил термос и выбежал на улицу. В щелях кирпичных стен хутуна искрился иней, а издалека доносился аппетитный аромат жареного теста.

Соседи, стоявшие в очереди у продуктового магазина, переминались с ноги на ногу, кутаясь в ватники. Увидев его, тетушка Ван похвалила:

— Сяо Ху, такой ранний, за завтраком пришел? Вот это трудолюбие!

— Я молод, встаю рано, купить завтрак — это само собой, — он широко улыбнулся, обнажив белые зубы.

В семидесятых-восьмидесятых годах привычка чистить зубы была не у всех, а порой считалась даже роскошью. Многие просто не знали, как это делать правильно, да и тюбик зубной пасты

стоил десять-двадцать фэней, что для простых людей было накладным расходом. Чистка зубов считалась признаком интеллигенции или партийных кадров, рядовые обыватели редко придавали этому значение. Поэтому белоснежная улыбка Ху Вэйминя сильно выделяла его на общем фоне.

В свои двадцать лет, с ростом метр восемьдесят, статный и симпатичный, он в деревне был предметом тайных вздохов многих девушек и молодых женщин. Если бы не такая эффектная внешность, он, с его нищенским положением, никогда не смог бы обойти соперников и жениться на Гун Сючжу, городской девушке из Яньцзина.

Поначалу их семейная жизнь была вполне счастливой. Но когда он решил, что так будет всегда, государственная политика резко изменилась, разрешив ссыльной молодежи вернуться в города. Ху Вэйминь, благодаря жене и тестю, смог покинуть деревню и перебраться в великую столицу, став яньцзинцем.

Однако после переезда в хутун его статус в семье резко упал. Тесть Гун Сювэнь относился к нему прохладно, теща Хуан Ляньин постоянно язвила, да и жена стала смотреть на него свысока. Ху Вэйминь прекрасно понимал причину: политика изменилась, и семья жены все больше презирала его, деревенского увальня.

Он не сидел сложа руки и пытался изменить их мнение о себе. И у него были на то основания. Его душа прибыла из двадцать первого века — до попадания сюда он был литератором. Память о прошлой жизни проснулась лишь недавно, а до этого он лишь по обрывкам воспоминаний пытался писать рассказы и рассылать их в редакции. Он понимал, что с его школьным образованием и должностью сторожа, которую выбил тесть, только литература могла помочь ему изменить будущее и заслужить уважение семьи. Но обрывки памяти не позволяли написать ничего стоящего, рукописи возвращали, а поведение Ху Вэйминя вызывало лишь насмешки.

Теперь же всё иначе. Память восстановилась полностью, и он помнил произведения из прошлого так четко, будто они были впечатаны в его душу. Это придало ему уверенности. На днях он отправил новую рукопись и был уверен, что скоро получит письмо о принятии материала.

Скоро, черная полоса скоро закончится!

Купив соевое молоко, Ху Вэйминь с надеждой зашагал обратно.

Над хутуном пролетели голуби, их свист рассыпался в утреннем свете, словно горсть серебряных монет. По дороге он столкнулся с соседкой из переднего двора, Лю, вернувшейся из ссылки. Она была в красном шарфе, под мышкой — поэтический сборник Сегодня, от нее пахло жасминовым кремом.

Журнал Сегодня, основанный в конце 1978 года, был культовым среди литературной молодежи Пекина. Увидев издание, Ху Вэйминь спросил:

— Сестра Лю, так рано на ногах?

— Да, сегодня собрание поэтического кружка, — улыбнулась она и поспешила прочь.

Ху Вэйминь проводил ее взглядом с долей зависти. В те времена попасть в поэтический кружок было непросто, порог вхождения был высок, но и выгоды это сулило немалые.

— Мам... то есть тетушка, я вернулся.

— Почему так долго? Ни на что ты не годен, — проворчала женщина.

Ху Вэйминь неловко улыбнулся, чувствуя досаду. Помолчав, он опустил голову и понес термос в дом.

— Папа, доброе утро. Брат, Сюсю, доброе утро.

Войдя, он увидел тестя, шурина и свояченицу, но жены нигде не было.

— А где Сючжу?

— Сючжу очень устает на работе, дай ей поспать, — сухо ответил тесть, не глядя на него.

Шурин Гун Чэн и свояченица Гун Сюсю переглянулись, но промолчали. Они не испытывали к Ху Вэйминю открытой вражды, но тоже считали, что он не пара Гун Сючжу, поэтому обычно держались отстраненно. Раньше Ху Вэйминь привык к такому, но теперь это задевало его самолюбие.

Вскоре теща позвала всех к столу. Наскоро позавтракав, семья начала торопить его на работу. Они говорили не грубо, но настойчиво: мол, ты новичок, должен быть исполнительным, лучше прийти раньше, чем опоздать.

Едва он вышел за дверь, как в комнате появилась Гун Сючжу. Она произнесла то, что прозвучало как гром среди ясного неба:

— Папа, мама, когда я наконец разведусь с Ху Вэйминем?

<http://bllate.org/book/18482/1773469>